

«Орфей спускается в ад...»

Листы скорби
художника Доброва

2002–2004 гг.

Людмила Доброва «Орфей спускается в ад...». Листы скорби художника Доброва

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51677912

«Орфей спускается в ад...». Листы скорби художника Доброва:

Издательство «У Никитских ворот»; М.; 2020

ISBN 978-5-6044202-3-2

Аннотация

Издание посвящено недавно ушедшему народному художнику России Геннадию Михайловичу Доброву (1937–2011 гг.)

В конце жизни, уже будучи тяжело больным, художник создаёт серию «Душевнобольные России», как итог графического цикла о драмах и трагедиях людей, своих современников. В течение двух лет он посещает психиатрические больницы в 10-ти городах страны.

В первой части книги – рисунки из Омска, Костромы, Калининграда, Благовещенска, Биробиджана, Магадана и Камышина. Они сопровождаются комментариями самого художника, которые он делал в 2003 г. для издания альбома (тогда оно не состоялось).

В дальнейшем рабочие поездки продолжились, но художник комментарии к рисункам уже не оставил. Поэтому во второй части книги вдова решила опубликовать его письма, которые он писал ей отовсюду ежедневно в толстую тетрадь и вручал при возвращении домой. В них – подробности его работы в психиатрических больницах Казани, Сыктывкара и Грозного.

Содержание

Часть первая	9
Пролог	10
Конец ознакомительного фрагмента.	99

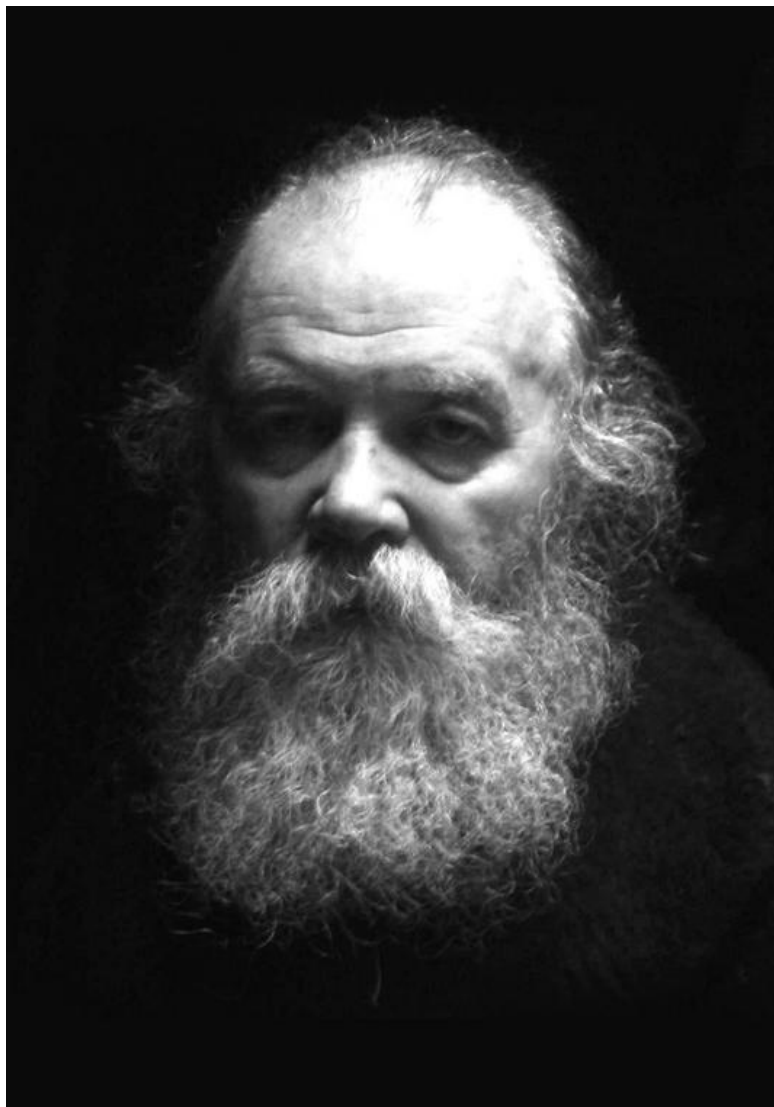

**Людмила Доброва
«Орфей спускается в
ад...» Листы скорби
художника Доброва**

© Добров Г.М., наследники, 2020

© Оформление. Издательство «У Никитских ворот»,
2020

* * *

Часть первая
Художник о своих работах,
сделанных в психиатрических
больницах Омска,
Костромы, Калининграда,
Благовещенска, Биробиджана,
Магадана и Камышина

Пролог

(подготовлено в 2003 году для неосуществлённого тогда проекта издания книги)

Это – поразительная книга.

Небольшая по объёму, написанная предельно просто, в скупом жанре хроник, сопровождающих такие же бесхитростные рисунки-хроники, – она оставляет ощущение чего-то громадного, какого-то исключительно важного события, касающегося не только культурной жизни страны, но её духовной жизни в целом.

«Орфей спускается в ад...» – вот, наверное, самая краткая аннотация к новой книге художника Геннадия Доброва, к новой серии рисунков-«памяток», сделанных им за последние 2 года в психлечебницах России.

Издание задумывалось как специальное, рассчитанное на подготовленную аудиторию, что-то вроде «информации к размышлению» для медиков и студентов-психиатров. Однако книги живут своей собственной жизнью и сами выбирают себе читателя.

Кто бы ни открыл эту книгу (врач или собрат-художник, человек военный или человек деревенский, обыватель или интеллектual) – тот обязательно найдёт в ней что-то важное для себя и закроет эти страницы уже немного другим, чуть более человечным, совестливым, мудрым.

Безусловно, Добров далеко не первый в этой «экстремальной» теме. Нет и не было, наверное, ни одного крупного художника, не размышлявшего о трагедии безумия. Босх, Брейгель, Гойя, Ван-Гог... – вот лишь несколько самых ярких имён.

Дураки на средневековых полотнах, злые, уродливые, жалкие; безумцы в немецкой, французской, испанской живописи; «сон разума» – вчера и сегодня...

Для простого человека душевная болезнь – наглухо заключенная тёмная комната, куда лучше не заглядывать, ночной кошмар, лютейшая из казней.

Для художника – повод задать самые грозные вопросы самому себе, времени и Богу.

К этой серии Добров, по сути, готовился всю жизнь.

Здесь впечатления омского детства – самый первый, ещё мальчишеский замысел – и последний по времени проект; здесь качественно новый шаг на его необычном художническом пути.

Тихий уютный домик-мастерская на старинной московской улице, с заросшим садиком, большой грушей, осыпающей по осени плодами-дичками всё окрест, с целой командой котов и шумной лайкой Мартой... Эта почти идиллическая обитель, где всегда ждёт своего Мастера верная Маргарита, жена и первый помощник в трудах, незаменимая Люся, – всего лишь временный «порт приписки» автора книги.

Он всегда куда-то едет, или собирается, или уже возвра-

щается, чтобы тотчас же начать обдумывать новую экспедицию. И что интересно: за годы нашего общения я ни разу не слышала, чтобы Добров что-то делал по заказу. Похоже, заказы он получает от самого Господа Бога.

Профессиональный журналист, я встречала Доброва на баррикадах Белого дома в радужном 91-м и в ощеренном 93-м; нас прибивало толпой к щитам бойцов оцепления; в тревожных коридорах осадного Парламента он «брал на карандаш» жанровые сценки, типажи, моменты, которые уже становились Историей.

Этот невеликий ростом, скромный человек, в своём неизменном бархатном берете так напоминающий рембрандтовских стариков, храбро нырял с блокнотом в руке в самую гущу людских водоворотов, где кипели страсти и зрели большие события.

Из Афганистана художник привёз ошеломившую москвичей серию работ, написанных под обстрелами, на улицах разорённых городов, в госпиталях и на дорогах; его «Афганские дневники» ещё ждут своего издателя.

Он прорывался в лагерь беженцев, когда оттуда бежали, кто и как мог, часами рисовал в заброшенных бараках концлагерей Второй мировой – и возвращался домой с ворохом рисунков и путевых записей.

Со своей толстовской бородкой, просто, почти бедно одетый, он шёл, как имеющий власть, туда, куда нет ходу и власть имущим, – и перед ним таинственно открывались все

двери.

Безусловно, Добров – один из лучших рисовальщиков своего времени; в 1997 году он был выдвинут на Государственную премию; его работы выставлялись в самых престижных залах Москвы; авторитет художника непререкаем в им избранной сфере. Ещё шаг-другой – и он мог бы сделать блистательную карьеру «придворного» живописца, но это был бы кто угодно, только не Добров.

Он – как вибрирующая струна, настроенная кем-то раз и навсегда на одну щемящую ноту боли и страдания.

И что бы ни происходило вокруг, какие бы основы ни шатались, менялись ли правители, бушевали войны или мир сходил на землю – Добров писал какую-то свою громадную летопись скорби. И делал это в с е г д а.

Омск, Кострома, Калининград, Благовещенск, Биробиджан, Магадан, Камышин – «крутой маршрут» художника на этот раз, российские «дома скорби», провинциальные психушки...

Есть две непостижимые тайны, которые одинаково влекут и пугают: Смерть и Безумие; одинаково, потому что, в сущности, это – одна тайна.

В безумии, как в смерти, нет категории времени – здесь навсегда «31 мартабря». Это тот «Элизиум теней», который, кажется, существовал от века и всегда ставил перед человеком центральный вопрос: безумие – это область Бытия или уже Небытия? Или, что точнее и страшнее, область «Вне-

Бытия»?

Где в этом сумеречном пространстве область Бытия, а где Небытия, где пролегает граница между ними, и главное: есть ли хоть малая надежда вернуть уже неживое к жизни? И это уже не что иное, как вопрос Воскресения.

Из палаты – в палату, из камеры – в камеру, из одного тюремного изолятора – в другой отправляется в эти «забытые селения» художник Добров, выслушивая в пути, как великий флорентиец, жуткие и пронзительные исповеди, вглядываясь в лица людей, словно заживо вписанных в Книгу Мёртвых.

В издании «Душевнобольные России» 50 рисунков – портреты, сценки будничной жизни, целая галерея характеров, судеб, диагнозов... Работал карандашом, быстро, плотно, в режиме «прифронтной полосы» – и сразу набело, исключительно в стиле старой реалистической школы.

Вообще, по самой своей природе Добров – глубочайший реалист. Ему не надо «разваливать» форму, строить что-то новое, необычное в смысле цвета и формы. У него другая задача.

Для Доброва фантастичен сам мир, как он есть, особенно в его крайних точках: войны, безумия, преступления; в тех крайних состояниях человека, где есть постоянное ощущение тонкой грани между жизнью и смертью.

50 рисунков – 50 разговоров. Раз за разом попытка проникнуть в тайну катастрофы, внезапно, как молния, поража-

ющей человека; раз за разом попытка отыскать уже в руинах личности отблеск разума, отблеск надежды.

Лаконичные записи-пояснения к портретам психобольных незаметно превращаются в новеллы-«крохотки», в туго, как пружина, сжатые коллизии каких-то ненаписанных романов.

Какие страсти жгут эти души!

Вот покинутый Ромео, вечно ждущий свою Фариду, а это – «узник чести», зверски отомстивший за давнее, ещё детское унижение; вот 40-летняя девочка-даун, тоскующая по «отцу-подлецу»; там – вечно влюблённые «супруги» из женской палаты хроников; правдоискатель-«ариец», навсегда запутавшийся в тюремных коридорах; девушка-якутка, грезящая о родном крае... Их истории болезни вмещаются в одно-два слова, оглушительные, как смертный приговор: «предан», «брошен», «обманут», «поруган», «изувечен», «почти убит».

На наших глазах происходит зарождение какого-то совершенно нового художественно-документального жанра. Идёт поиск – на стыке живописи, литературы, науки – нового языка, пытающегося говорить о том, что скрыто от глаз, заперто за семью печатями; языка, адекватного масштабу э т о й реальности.

Боль, страх, отчаяние, злоба, нежность... всё обнажено, доведено до крайнего градуса – и словно вдруг разом замерло в одной точке, где нет движения, нет времени; их место

занимает «одна неподвижная идея», как у пушкинского Германа.

Словно дом, в котором вчера ещё горел свет, звучали живые голоса, слышался чей-то смех, а сегодня все ушли, всё погасло, и кто знает – вернутся ли туда люди? Как в неразгаданной истории больной Тамары, вечно сидящей на своём стуле, поджав ноги, плотно охватив голову, чтобы никого и ничего не видеть, и так – 56 лет...

По Доброву душевная болезнь – именно это странное промежуточное пространство ещё не смерти, но уже как бы и не области живого. Здесь – страшное напряжение неподвижности, оно-то и составляет главную муку страдальца.

...Человек живой, человек мёртвый; больной, изуродованный, опустившийся, обезумевший, уничтоженный мукой невыразимой боли. Боль в этих стенах – и в рисунках мастера – главная составляющая человека, главная его особенность и признак Живого. Там, где болит, – страна Живых.

Только Орфей, только Данте осмеливаются сойти в страну Мёртвых; только художнику дано искать человека там, где его уже, может быть, нет.

Самый страшный рисунок Доброва из новой серии – самый простой: дверь. Небольшая, кованая, схваченная множеством засовов и замков, как в сказке, к Кашею Бессмертному, – дверь в камеру самых опасных, неизлечимых, невозвратимых. Там никто не кричит, не буйствует, там тихо, но там – область Смерти, область «Вне-Бытия».

Живое, пусть в болезни, пусть нарушенное, способно к Преображению; даже мир Небытия готовится к Воскресению. Область «Вне-Бытия» в этом смысле совершенно безнадёжна, она не подлежит восстановлению.

Эти злодеи, маньяки, людоеды абсолютно хладнокровны. Спокойный шуточный ответ серийного убийцы на вопрос «Что за наколка на руке?» – «Ямочка на подбородке» – страшней шекспировского «Макбета».

Все они, кто за этой дверью, как будто сложены из какой-то другой материи, словно до акта Творения, в отсутствии Творца. Здесь – область абсолютной «безблагодати», её, благодать, здесь можно только алкать, только пытаться украсть, присвоить, поглотить, как поглощает свои жертвы серийный насильник-людоед. Здесь – материал, место которого, как сказали бы в старину, в «геенне огненной».

Чтобы т а к пройти эти сумеречные пространства, нужны сила и бесстрашие нерядового человека: нужны сверхсила и сверхбесстрашие, свой особый метод.

Этот особый метод мастера очень прост, но не подлежит передаче и копированию. С этим можно только родиться. Метод Доброва – его способность к величайшему состраданию. Его путь – путь подвижника, научить этому нельзя, как нельзя научить святости.

Он оплакивает каждого из страны Мёртвых, он окликает каждого из страны Живых, в каждом прозревая обломки какого-то Великого Замысла, и в этом смысле каждая его ра-

бота – ещё и молитва.

Одиночество забытых, потерянных, отчаявшихся кончается в его портретах, в кратких новеллах-притчах – ведь мир наконец услышал их боль.

Шумят деревья, колышутся высокие травы, когда художник провожает в обшарпанный больничный морг несчастного, которого ещё вчера рисовал. Он провожает его один и печалится, а вместе с ним, кажется, печалится сама природа. Кто знает, что уходит сейчас с земли, что страдало и отмутилось, быть может, за всех живущих...

А над всем этим плачет Ангел – и, значит, всё ещё будет спасено.

*Татьяна Никитина, сценарист, литератор, член
Пушкинской комиссии ИМЛИ, член профкома московских
драматургов.*

Злые приказывающие голоса

| Омская психиатрическая больница, 2002 г. |

Таня Н. была весёлой чувствительной девушкой, когда её грубо изнасиловали, после чего у неё родился сын. «Без отца», – говорит Таня. Не знала, как она будет жить, боялась, что не хватит денег. И пошла работать штукатуром-верхолазом на стройку. Упала вместе с люлькой с большой высоты. Лежала долго в больницах с переломом позвоночника.

Выписавшись, снова пошла работать штукатуром. Но раскачавшаяся люлька прижала её руку к стене. «Была полная рукавица крови», – вспоминает Таня. Начальник испугался, накричал на Таню и не допускал её больше на работу.

Его громкий и злой голос с тех пор преследует Таню. Он приказывает, как поступать Тане, что ей делать и что говорить. Эти голоса не оставляют Таню в покое ни днём ни ночью. Она крестилась в церкви, пытаясь избавиться от их грубости, но ничего не помогает...

«Как болит голова, миленький Геннадий Михайлович. Я бы вам позировала без конца, но не могу. Пойду, полежу, вы уж не обижайтесь на меня», – так я начал рисовать свой первый рисунок в Омской психиатрической больнице.

Тоска по сыну-самоубийце

| Омская психиатрическая больница, 2002 г. |

Бесконечная тоска по сыну-самоубийце уже три года удерживает Людмилу Александровну, женщину из состоятельной семьи, в Омской психиатрической больнице. Целый день она говорит только о нём, целует его фотографию и плачет.

Он был нежным сыном и ласковым мужем. Но две женщины, мать и жена, решили «исправить» его характер. Им хотелось сделать из тихого и застенчивого юноши – человека мужественного, с крепким характером, с твёрдым суровым голосом. «Ты не принимай его к себе, – говорила мать снохе, – а я отправлю его к тебе обратно, когда он придёт ко мне жаловаться. Так мы воспитаем в нём твёрдость характера». – «Договорились», – согласилась жена.

Действительность ужаснула их обеих. Убедившись несколько раз в том, что он не нужен ни матери, ни жене, не видя иного выхода, молодой человек выбросился из окна 6-го этажа своего дома. «Умные» женщины долго в слезах смотрели сверху из окна на бездыханное тело, лежащее на бетонном козырьке подъезда, пока его не сняли пожарники.

Непримиримый борец с бытовым пьянством

| Омская психиатрическая больница, 2002 г. |

Таня Охлобыстина поехала в родную деревню, чтобы привезти своей семье мешок картошки из материнского огорода. Но увидела там страшную картину – мать и брат гнали самогон и беспрерывно пили. Таня просила их прекратить пьянство. «Не лезь не в своё дело», – отвечали они и только смеялись над ней.

Тогда она стала выливать опьяняющую жидкость на пол, разбивать и выбрасывать бутылки с самогомом, которые стояли по всей избе, готовые к продаже. Разъярённый брат со словами: «Какое твоё собачье дело до нашей жизни!» – поднял Таню и бросил её на мешок с картошкой, сломав ей руку.

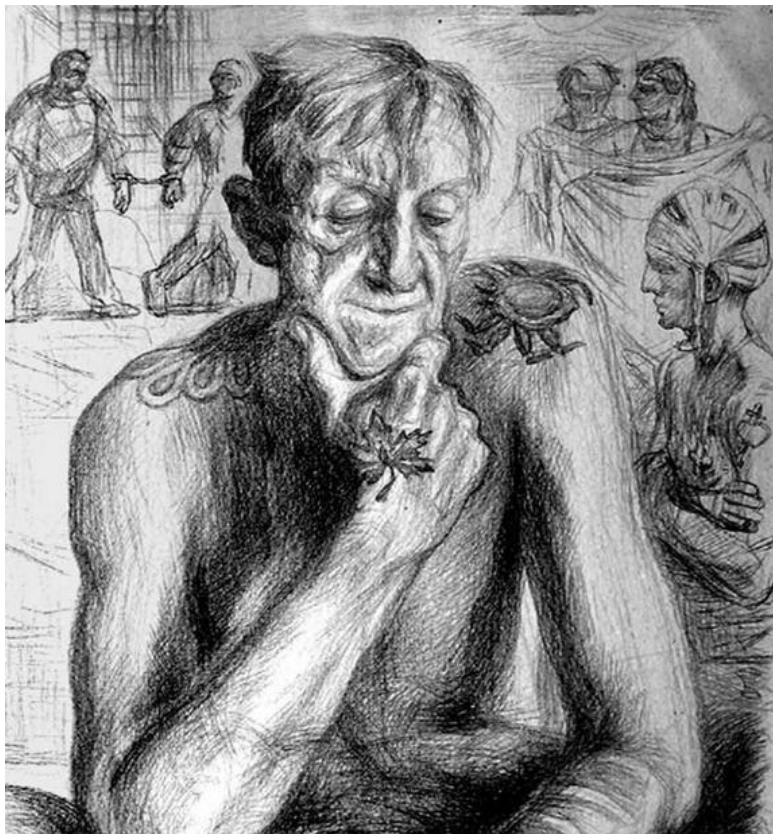
Таня лежала без сознания. Брат вызвал из города машину психиатрической помощи, наговорил санитарам, что Таня сошла с ума, и отправил её в Омскую психбольницу.

Целый месяц никто не навещал Таню. Закончив рисунок, я вызвался помочь ей. Повёз записку её сыну. Долго мне никто не открывал дверь. Потом высунулась рука, взяла записку, и со словами «сами разберёмся» дверь снова захлопнулась. Но через неделю сын всё же приехал к Тане и привёз ей тапочки и зубную щётку.

Таня почти поправилась. Она была жизнерадостна и уверена в том, что она всё равно победит своих родственников в борьбе с бытовым пьянством.

Рассказ о первой и единственной любви

| Омская психиатрическая больница, 2002 г. |

Сначала была дружба с татарской девочкой Фаридой, потом они решили скрепить её своей кровью. Одновременно он резал ей вены бритвой, а она ему. Потом они смешали свою кровь, соединив раны на руках друг друга. Потом он играл в ансамбле, сочинял песни и посвящал их своей любимой Фариде:

*Без тебя не повяжу я галстук
И бриться не стану.
Без тебя пойду неверным галсом
И врежусь в скалы без тебя.*

А она, сидя всегда на первом ряду, не сводила глаз с любимого друга.

Потом умер его отец, благополучие семьи пошатнулось. Умерла мать. Фарида уехала из Омска, вышла замуж, и сейчас у неё уже двое сыновей.

А он... не может её забыть, своя жизнь кажется ему сном. Можно честно жить, а можно и по-другому. Не всё ли равно, если нет и не будет уже никогда рядом с ним его Фариды. Жизнь без Фариды потеряла смысл, пошла в разнос: пьянки, воровство в крупных размерах. Но все замечали, что это не было для него целью, что ему было как бы всё равно, где и с кем быть: в тюрьме ли, в Омской ли психиатрической больнице. Ушла любовь, а с ней и его жизнь, и его воля к жизни.

«Я поклялся на крови, что буду вечно любить её одну, и она поклялась. Кто знает, может быть, мы когда-нибудь ещё увидимся», – сказал он мне с грустной улыбкой.

Нераскаявшийся

**(36 лет по тюрьмам и больницам за убийство
совхозного бригадира – своего начальника)**

| Омская психиатрическая больница, 2002 г. |

«Маска» — так называют соседи по палате Николая Е. «Человек-маска» — это выражение на лице появилось и «застыло» у больного с детства юноши в момент убийства им своего совхозного бригадира, который не ставил его на выгодные участки работы и тем самым оставлял его с меньшей зарплатой, чем получали его товарищи. Но бригадир так же, как и отец больного, знал, что он не справится с более серьёзной работой. Обиженный Николай сначала хотел застрелить бригадира из охотничьей двустволки отца. Но отец встал ночью, почуяв недоброе, отобрал у сына ружьё и разбил его об угол дома. Тогда Николай выследил бригадира, когда тот пошёл мыться в рубленую деревенскую баньку, зашёл туда к нему и четырьмя ударами топором по голове отомстил бригадиру за все свои обиды.

На суде в последнем слове Николай, ни в чём не раскаявшись, крикнул: «Смерть фашистам»; бригадир был немец по национальности.

Всю оставшуюся жизнь Николай провёл в тюрьмах и психбольницах. Когда я рисовал и слушал Николая в Омской психбольнице, то подумал, что и все мы тоже порой думаем о своих возможностях и способностях гораздо больше, чем они есть на самом деле.

Наставления отца

| Омская психиатрическая больница, 2002 г. |

Умные жизненные наставления можно давать даже из психбольницы. У сына рушится семья, но прислушаться к советам отца он не хочет. Наверное, находясь в психбольнице, отец не является для сына авторитетом.

Но у отца своя правда. Кадровый военный Станислав Иванович был, по его словам, вызван к начальству (а может, это был его сон или бред) и на самолёте переправлен в Германию, где ему было предложено убить несколько человек. Он сделал, что ему было приказано, а потом стал просить за это вознаграждение. «Ты что, серьёзно?» – «Конечно серьёзно!» Тогда его снова посадили на самолёт, привезли в Омск и поместили в психбольницу. Жена и сын выписали Станислава Ивановича из квартиры, разменяли комнаты и разъехались. Куда теперь идти – он не знает. В курилке Станислав Иванович ждёт, когда кто-нибудь оставит ему «бычок».

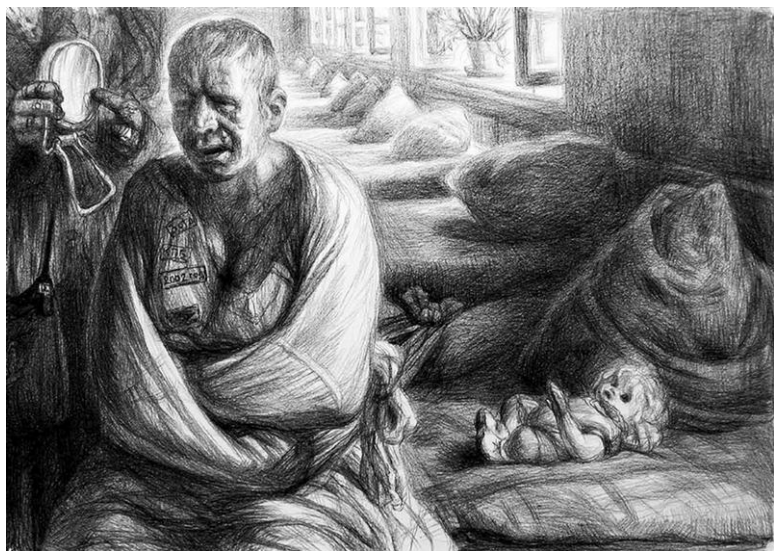
Жена говорит ему: «Ты стал лучше. Приехал из Германии совсем плохой. А почему всё начальство к тебе с таким почтением относится?» – «Потому, – говорит он ей, – что они не такие глупые, как ты». – «И что теперь делать?» – «Ничего не делать, – отвечает муж. – Живи и радуйся. Я выйду отсюда, тогда поговорю с тобой по-своему». – «Я тебя боюсь и никогда не возьму тебя к себе обратно, всю жизнь будешь тут сидеть».

Сын жалуется Станиславу Ивановичу на свою жену: «Не слушается. Гуляет с другими. Бросить не могу, люблю её. Что делать?» – «Ничего не делать, – отвечает отец. – Поспешил жениться – теперь не спеши разводиться. Надо терпеть, жить вместе. Говори ей больше ласковых слов. Мужчина любит глазами, а женщина ушами. Не уходи, сынок, от семьи. Жена – это судьба твоя. Принимай её такой, какая она есть.

И люби такую, как она есть».

Зеркало Таниной мамы

**| Костромская психиатрическая
больница, 2002 г. |**

Горе матери. Она ещё на что-то надеется, показывает дочери зеркало, обращается к её помутнённому разуму. Но

здесь болезнь победила, и возвращение к здоровой жизни уже невозможно. Мать навещает Таню, никогда её не бросит. Но живут они отдельно: Таня пожизненно в Костромской психбольнице, мать – дома, в отдельной благоустроенной квартире. Вместе им жить невозможно. И если мать берёт дочь домой, то через неделю снова возвращает её в психбольницу. Какая печальная судьба и Тани, и её мамы...

Люди! Люди! Помогите!

Возвратите мне её.

Пожалейте, пощадите

Сердце бедное моё.

В женском отделении Таня единственная, кого связывают, но не сильно и не зло. Свяжут, потом снова развяжут. В отделении тихо. Там 90 женщин – и все молчат. У всех надорвана психика. Много молодых. Одна Таня шумит. Это оттого, что она не осознаёт себя:

– Дай конфетку, я её съем. Дай ещё. Дай ещё! Дай ещё конфетки! Дай кисленькую, я её съем! Дай сладенькую!..

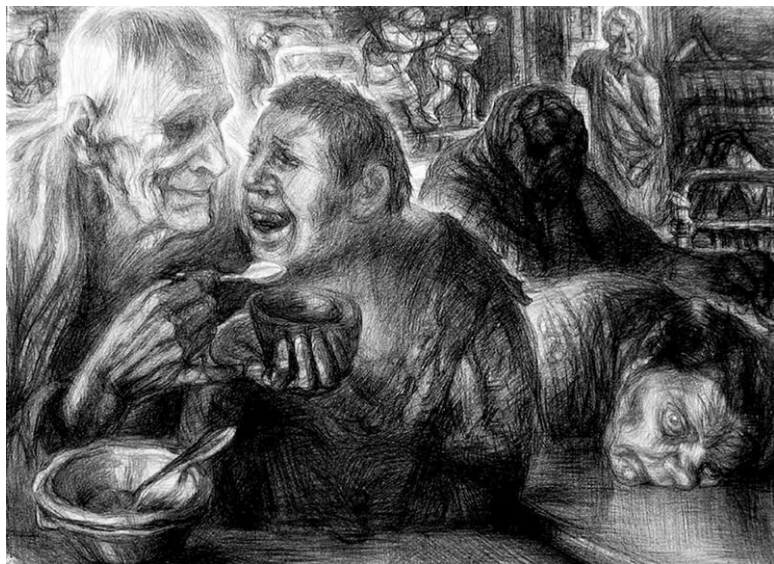
Таня лезет в карманы, обыскивает меня. Это замечают санитарки:

– Танька, прекрати. Сейчас свяжем.

И Таня послушно, привычно протягивает обе руки, чтобы её связали. Бедная девушка.

**Территория любви: «жена» и «муж»
в условиях длительного пребывания в
Костромской психиатрической больнице**

**| Костромская психиатрическая
больница, 2002 г. |**

Эту парочку разделить невозможно. Две одинокие жизни

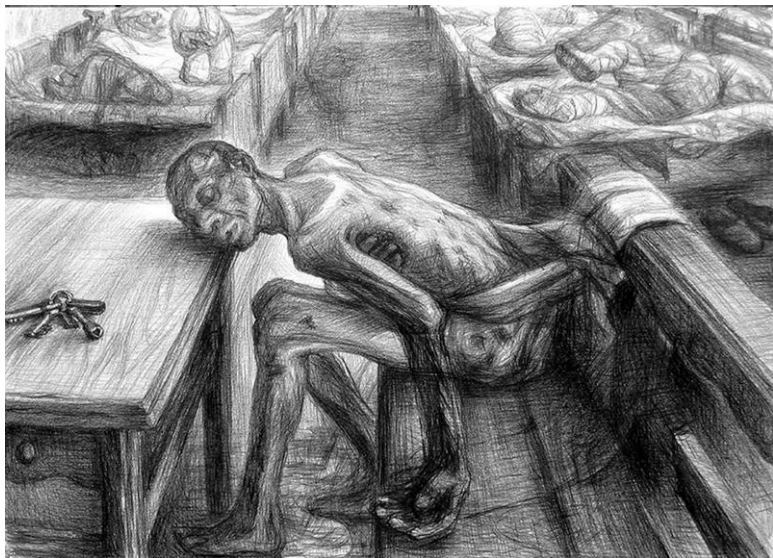
слились и не могут себе представить существования друг без друга. Анна Ивановна, «жена», кормит и ухаживает за своим «мужем» Юлей. Когда же санитарки с усмешкой спрашивают её: «А где же, Анна Ивановна, у твоего мужа мужские достоинства?» – то эта пожилая женщина с гордостью отвечает: «На фронте он был ранен, потом операция – и нет ничего».

«Муж» – беспомощная Юля – действительно совершенно беспомощна. И давно бы уже умерла, наверное, без своей «жены». Когда Анна Ивановна куда-нибудь отходит от неё, то Юля с выражением величайшей муки поворачивает во все стороны голову и ищет её взглядом. А когда Анна Ивановна возвращается, радости её «мужа» нет предела.

На фоне сумрачного бреда большой палаты одиноких женщин в Костромской психбольнице эта парочка создаёт действительно светлую «территорию любви». Так живут они, друг друга поддерживая, уже много лет. Никто их не навещает, и они уже никого не ждут «оттуда, с воли». Вся их жизнь, все их радости сузились до желания сидеть рядом, ощущая плечо друг друга.

Жертва уличного нападения

| Костромская психиатрическая
больница, 2002 г. |

«Так быют в Волгореченске» – хотел я сначала назвать этот рисунок.

Виктора Н. так избили, что он не может шевельнуть ни

рукой, ни ногой. Голова у него не держится. И по-маленькому, и по-большому он ходит под себя. И это избиение ни за что ни про что, «просто так». Встретилась компания подвыпивших ребят с одиноким прохожим и начала... Сначала повалили в снег, а потом били сапогами по рёбрам, по лицу.

Я рисовал его жарким летом, а у него болело всё тело, хотя прошло уже полгода. «Сейчас стал лучше, раньше даже не говорил», – рассказывают больные в Костромской психиатрической больнице, ставшей для него и спасением, и родным домом. Никого нет у Виктора, никто его не навещает.

Тихий час

**| Костромская психиатрическая
больница, 2002 г. |**

Это тоже избитый парнишка. И тоже привезён из Волго-
реченска. Можно подумать, что там работает банда убийц.
Сестра попросила Колю купить вечером хлеба в булочной на

колёсах рядом с домом. Его встретили трое: «Дай закурить». Дал. «Деньги есть?» – «Есть». – «Покажи». Забрали деньги. Потом, раздумывая о том, что же делать дальше, ударили Колю куском трубы по голове. И убежали. Перелом костей черепа. Трепанация. Сейчас Коля – инвалид 1 группы. Работать не может. Костромская психбольница стала и ему родным домом. Тут его кормят, одевают, моют. Тут к нему хорошо относятся. Невольно подумаешь – где лучше?

Тихий скромный юноша. Мог бы иметь семью, жену, детей...

Послевоенная душевная травма. 56 лет в Костромской психиатрической больнице

| Костромская психиатрическая
больница, 2002 г. |

Говорят, что (по её истории болезни) это была молодая весёлая жизнерадостная деревенская девушка-хохотуш-

ка, приехавшая в послевоенный Ярославль на учёбу. Кто, когда и, главное, как её обидел до такой степени, что она ушла в себя, замкнулась? И в большом городе не нашлось никого, кто принял бы в её судьбе участия, разговорил бы её, помог... Уже чуть ли не 60 лет живёт Тамара в таком вот виде в Костромской психиатрической больнице, где я её нарисовал.

– Тамара, кушать!

Тамара спускает ноги со стула, кушает, а потом снова подворачивает ноги на стул, закрывает руками лицо, ни с кем не разговаривает и ни на кого не смотрит. Внутриутробная защитная поза.

Одна, всегда одна, всегда одна со своими мыслями. Бедная молчаливая Тамара...

Боксы для чесоточных бомжей

| Костромская психиатрическая
больница, 2002 г. |

А между тем всем известно, что чесотка заразна. Сколько же нужно иметь в душе любви вообще к людям и, что самое трудное, к отдельным, не очень приятным бомзам, чтобы видеть и в них людей, чтобы и их полюбить.

Никто не мог успокоить этого старика. Двое санитаров пытались связать его – ничего не получилось. И тогда вдруг хрупкая беременная Оля бесстрашно вошла в бокс и сказала: «Дедулечка, давай покушаем». Дед проговорил: «Давай». И стал кушать. «А теперь давай я тебя уложу, мой хороший». – «Давай, укладывай». – «Давай я тебе ручки привяжу». – «Давай, привязывай». – «А теперь я тебя одеялом укрою. Хорошо тебе? Тепло?» – «Хорошо. Почему вчера ночью не приходила?» – «А зачем мне к тебе ночью приходиться?» – «Как зачем? Не знаешь, что ли, зачем женщина к мужчине ночью приходит?» – «Ах ты баловник, дедулечка. Ну, спи, закрывай глазки...»

Через две минуты он уже спал. Я был потрясён. Я стоял рядом и думал: «Вот русский народ, вот его менталитет. Не сила, а ласка. Лаской всего можно добиться. И лучше всего это знают и чувствуют простые деревенские женщины». Оля работает в Костромской психбольнице санитаркой, живёт в далёкой деревне, ездит каждый раз на работу 2 часа на автобусе в один конец. А как поёт! Соберутся санитарки в кружок на кухне после всех дел – и запели... Любо-дорого их слушать. От иной песни слёзы так и катятся по щекам. Всё

горе своё деревенское в песнях выплечут. Эх Кострома, Кострома. Сердце России...

Отмучился

**| Костромская психиатрическая
больница, 2002 г. |**

– Сашка, Сашка, где же ты был? Я тебя целую неделю ис-

кала по всем больницам, – причитала радостно его жена. – Боже мой, избитый весь. Но ничего, теперь я знаю, где ты. Завтра я тебя переодену во всё чистое, принесу покушать чего-нибудь сладкого, что ты любишь. Пирог с яблоками испеку. Сашенька, скажи хоть что-нибудь. Где ты был всё это время?..

Но он молчал и только смотрел на неё широко раскрытыми безумными глазами. А ночью умер.

Это был здоровый крепкий краснокожий (даже какой-то коричневый весь) мужчина. Но после последнего вдоха вдруг стал бледнеть. И через полчаса стал весь бело-голубым. Даже тюремные наколки побледнели и как бы выцвели все.

Я провожал его до морга в Костромской психиатрической больнице. Санитары несли тело на носилках сквозь высокие заросли травы. Высокие берёзы шелестели своими ветвями, словно о чём-то тихо переговариваясь друг с другом. Вечерние тени быстро превратились в тревожные сумерки. «Как всё просто, – подумал я, – жил человек – и вот его уже нет».

**Роспись, просиявшая на
стене в камере женщин-убийц**

**| Калининградская психиатрическая
больница строгого режима, 2002 г. |**

В Калининградской психиатрической больнице в посёлке Прибрежный я начал рисовать в женской тюремной камере. Камера для восьми женщин-убийц, признанных душевнобольными, не привлекла бы к себе особенного внимания, если бы не роспись на одной из стен, которая изображала нисходящую по тропинке с холма Мадонну с младенцем Христом на руках.

В соседней мужской половине досиживал свой срок за убийство жены старик на костылях – художник, который стал вдруг расписывать все стены внутри и бетонные заборы во внутренних двориках для прогулок, как только к нему в руки попали краски. Зная, что в соседней с ним комнате-камере восемь молодых женщин, признанных душевнобольными, сидят за убийство своих младенцев, он в назидание им нарисовал на стене их камеры евангельский сюжет.

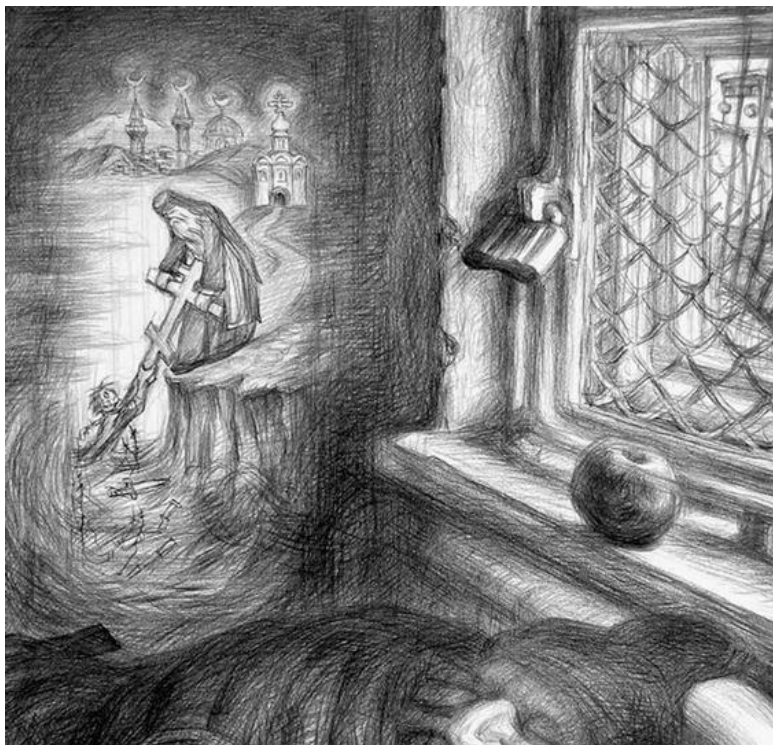
Удивительно, как в Евангелии показана роль матери, спасающей своего сына от гибели. В жизни же мы видим совсем иное отношение, порой совершенно обратное тому, о чём говорится в святом писании. Тут мать убивает ребёнка, чтобы он не мешал ей жить. И не только жить, но и доказывать потом в тюрьме друг дружке своё превосходство в силе. Однажды одна женщина так ударила другую, что та упала и головой пробила картонную обшивку стены, на которой была изображена Мадонна с младенцем, и порвала её.

Когда я узнал это, то решил усилить на своём рисунке тот

смысл назидания, который вложил уже в неё тюремный художник. Я оживил его стенную роспись на своём рисунке. Я сделал лучи, свет, исходящий от как бы спускающейся в тюремную камеру древней страдальцы со своим младенцем, пытавшимся любовью спасти мир от зла, вражды и гибели.

Сон убийцы в изоляторе интенсивного наблюдения

**| Калининградская психиатрическая
больница строгого режима, 2002 г. |**

В 6-м отделении Калининградской психиатрической больницы тюремного типа есть врач глубоко религиозный. Своими усилиями внутри бывшей немецкой тюрьмы в г. Черняховске, где расположена эта больница, он с помощью своих пациентов создал больничную церковь. Там его психически больные убийцы замаливают свои грехи, впервые от него узнав, что на свете есть такие книги, как Библия, Евангелие и Молитвослов. Что есть молитвы, которые помогают жить даже в тюрьме, что есть сладость в покаянии. И, может быть, впервые многие его больные вдруг стали плакать, с ужасом осознав весь кошмар своей предыдущей жизни.

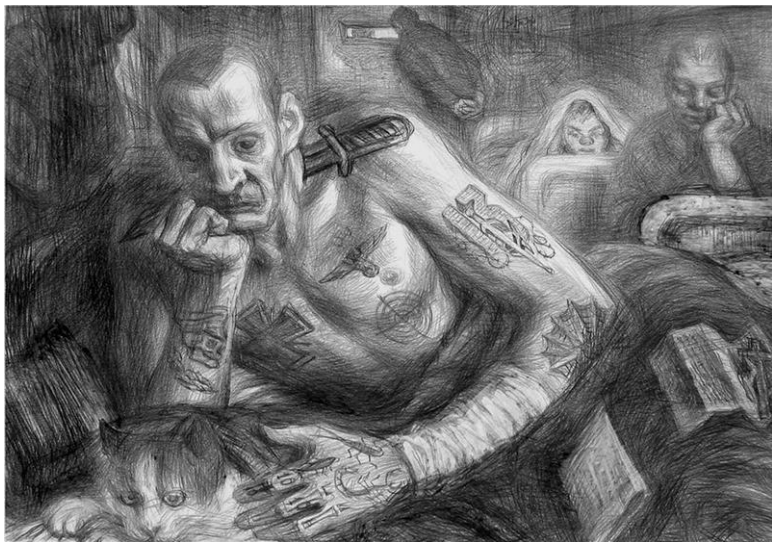
«Прощение через покаяние» – девиз этого умного врача.

– Наша задача не в том, чтобы больные сидели у нас вечно, а в том, чтобы они вышли от нас другими, новыми людьми. И, знакомя их с учением Христа, мы надеемся, что после освобождения первые пять или, может быть, даже десять лет они не попадут снова к нам в тюрьму...

Я слушал его, и слёзы радости и благодарности этому благородному врачу готовы были навернуться на мои глаза.

«Камера интенсивного наблюдения»

| Калининградская психиатрическая
больница строгого режима, 2002 г. |

«Свято место пусто не бывает». Если душу человека считать таким святым местом, то она и должна быть заполнена самыми чистыми и высокими идеями и чувствами. А если этого нет, то тогда её заполняют страх, злоба, ненависть, вы-

сокомерие, ложные символы и идеи, которые тоже становятся дороги и близки своему хозяину.

Когда я рисовал Валеру К. в Калининградской больнице интенсивного наблюдения, подошёл день его рождения, и его друзья из других камер переслали ему открытки с цветами и стихи (имея в виду его фашистские символы, наколотые по всему телу):

*«Арийской чистоты в пример
Таганской чистоты желаем».*

То есть ему, «преступнику честного покроя», желают и дальше соблюдать чистоту законов тюремного мира. Что тут скажешь? Человек сформировался двадцатью тюремными годами. Тюрьма его уже тянет.

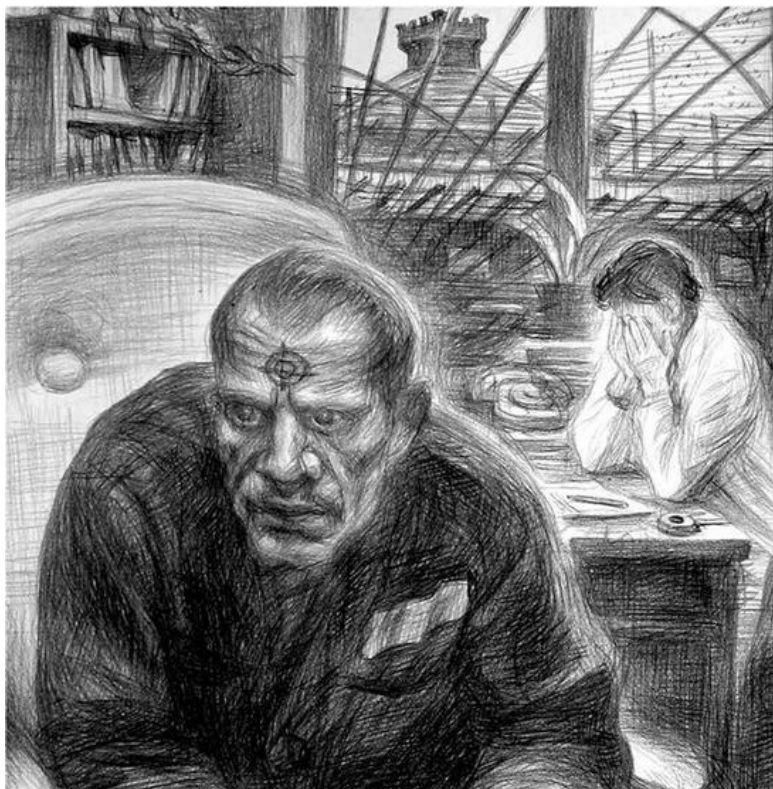
«Я не смогу долго жить на свободе, я боюсь свободы, я там не уживусь, и снова вернусь в тюрьму, — говорил мне Валера при расставании. — Двадцать лет вычеркнуто из большой жизни, жаль. Сначала было интересно — тюрьма, романтика, песни тюремные, стихи. Меня считают тут авторитетом, а мне всё это уже надоело. А, ведь, у меня отец тоже художник, как и вы, он мне часто письма пишет... Да я и сам хорошо рисую. Меня тут медсёстры просят всё им рисовать, чертить графики. Художники у нас в тюрьме в почёте. Постепенно дело идёт к моему очередному освобождению. Происходит это по такой схеме. Сначала тюрьма. Потом больница

интенсивного наблюдения, как эта, где вы сейчас меня рисуете. Потом переводят в больницу просто психиатрическую, а потом переводят в психиатрическую больницу по месту жительства. А там отец, или мать забирают уже меня домой. Но, опять же повторяю, я боюсь, боюсь вольной жизни. В тюрьме всё ясно: подлец есть подлец, его все презирают и могут даже убить. И за это скажут все только спасибо. А у вас на воле? Подлец живёт, да ещё в почёте. И пальцем на него не укажи. Как это понимать?»

Я молча слушал его, опустив голову.

Судьба человека

**Калининградская психиатрическая
больница строгого режима, 2002 г. |**

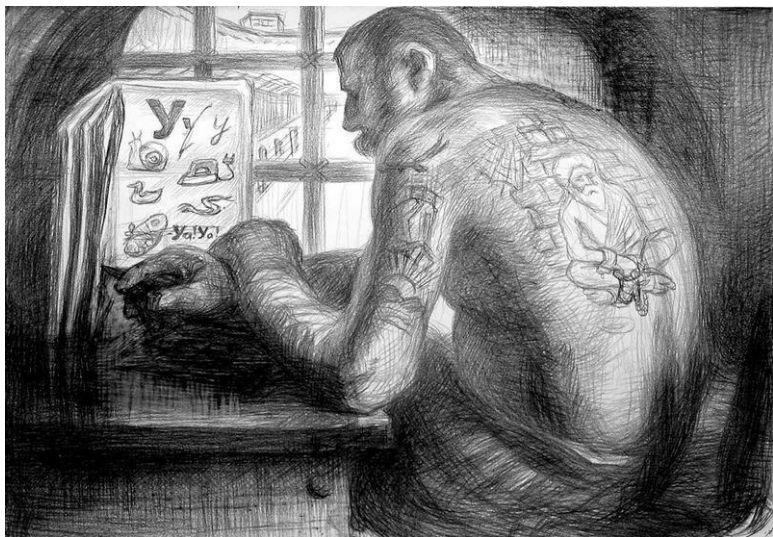
Прошедшие суровую тюремную «школу жизни» знают, что и там есть правила поведения, устанавливаемые самими преступниками. Они подразумевают полный отказ от всяких контактов с начальством. Наколки делаются как бы назло тому, что принято ценить на свободе. Жизнь наоборот. Если на свободе бояться 13-го числа, то в тюрьме накалывают его на руке на видном месте. Но того, кто по личной симпатии к врачу или ещё по какой-либо причине не отвергает раз и навсегда тюремное и больничное начальство, – из разряда «чёрных» переводят в разряд «красных», преступное общество отворачивается от него. Он считается «опущенным», презираемым, неприкасаемым.

Таков был Женя из Калининградской психиатрической больницы интенсивного наблюдения. На его лбу была насильно выколота тюремными сидельцами мишень. Это было своеобразное клеймо. Месть «тюрьмы» за его симпатию к врачу. «Не дай бог кому-нибудь пережить то, что я пережил, сидя в тюрьме, это так страшно», – говорил он мне. Я просил: «Расскажи, Женя». Но он начинал несколько раз, да так и не рассказал ничего.

«А он и не расскажет ничего никогда», – сказали мне его охранники.

Букварь – калитка в новый мир

**| Калининградская психиатрическая
больница строгого режима, 2002 г. |**

Когда я вызвал к себе в отдельную комнату этого душевнобольного в Калининградской психиатрической больнице интенсивного наблюдения, чтобы рисовать его, то вместе с ним пришёл санитар и сел рядом, поигрывая ключами от ка-

меры. «Пожалуйста, идите к себе, – сказал я ему, – вы мне мешаете». – «Вы выбрали самого страшного нашего больно-го, он убил пять человек, может убить и вас».

Я всё же проводил санитаря за дверь, а сам стал расспрашивать этого дагестанского великана Пахражи о том, как, когда и почему он совершил столь страшные преступления. И вот что он мне рассказал:

– Когда я был ещё мальчишкой, мы жили в горах в ауле, и я часто боролся с соседскими ребятами. В этот раз их было двое, они повалили меня на землю и в шутку повязали мне на голову женский платок. Я вырывался, просил, умолял их снять с меня этот платок, т. к. он в Дагестане символ позора на голове мужчины. Но они крепко прижимали меня к земле и только смеялись. А наблюдавший за нами их отец вдруг сказал: «Что это он визжит у вас, как собака. Наверное, он собака, посадите его в будку на цепь». Собаки в то время не было дома, и эти два брата посадили меня на собачью цепь. Обиженный до глубины души, я сказал им тогда сквозь слёзы: «Когда я вырасту и стану сильным, я убью вас всех». Прошло 20 лет. В Ростове-на-Дону я купил на рынке пистолет и патроны, приехал к себе в горы и пришёл к старику. «Что это тыходишь, как к себе домой? Стучать надо». – «Зачем мне стучать, когда я пришёл тебя убить. Забыл меня?» И убил. Братья со страху убежали в Калмыкию. А потом я убил и жену, и её любовника, хотя мне потом и говорили, что она была мне верна, никаких любовников у

неё не было. Но мне о жене сказал мой старший брат, а я ему верю. Когда за мной приехали милиционеры и стали в меня стрелять, я одного убил, а другого тяжело ранил. Тогда приехал из Махачкалы мой дядя, полковник милиции, и крикнул мне: «За что ты убиваешь моих милиционеров? Что они тебе сделали? Если ты зверь от природы, тогда убей и меня». Он вышел из-за стены, встал передо мной и бросил на землю пистолет. Я сдался ему. И с тех пор я в тюрьме. А сейчас вот ещё и признали психом...

Когда я слышал его рассказ, то совсем перестал бояться. А когда я его рисовал, то понял, что этот великан – борец за свою честь – совсем неграмотный. Я принёс ему букварь, и он впервые начал разбирать алфавит, тихо нашёптывая русские буквы. «Да, – подумал я, – и Пушкин, гений, погиб, защищая честь жены. Честь – это единственная, может быть, ценность, которая у него была в жизни и которая осталась до сих пор».

Письма из дома. Слезы психопата

| Калининградская психиатрическая
больница строгого режима, 2002 г. |

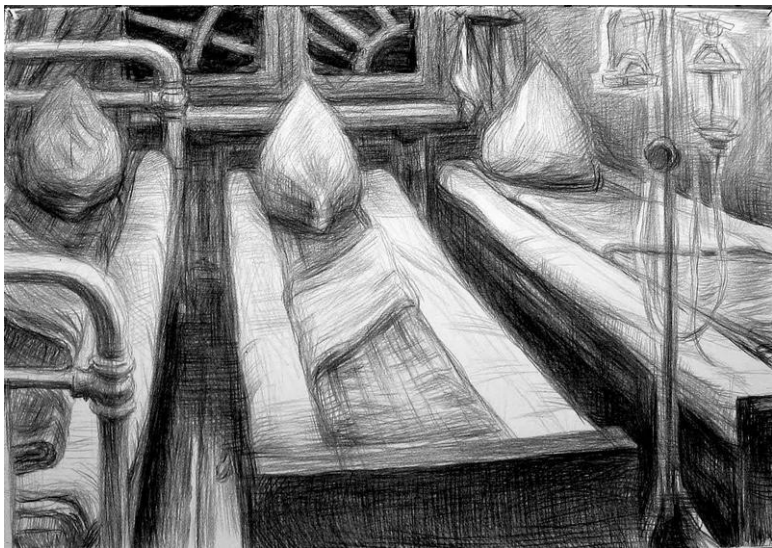
«Да не будет он вам позировать, ведь это чистая юла, неусидчивый, побывал уже во всех отделениях, подбивает больных на демонстрации, на ссоры с медперсоналом, убегал много раз, снова возвращался, беда с ним...» Но я всё же сказал: «Давайте попробуем. Не будет так не будет, заставлять ведь нельзя».

Но на практике Николай оказался на удивление покладистым и тихим человеком. Накануне он получил из своей деревни под Брянском сразу несколько писем, а в них: старший брат задушился сам, младшего зарезали на танцах. Жена Николая отравилась, ребёнок умер. Сестра, разбитая параличом, лежит одна в комнате на диване. Мать, не помня себя от горя, пошла вдоль железнодорожного полотна, и её сбила электричка.

Стоит Николай у окна и плачет. Куда всё ухарство подевалось? И поехал бы к ним, да теперь уже не пускают. Вот расплата за легкомысленную жизнь, за пьянки да гулянки на свободе – слёзы в тюремной камере у окна с видом на побелённую высокую каменную стену, обнесённую колючей проволокой, с вышкой, обвешанной прожекторами, и невидимыми часовыми внутри. 32 года по тюрьмам и психбольницам. Психопат со стажем из Калининградской психиатрической больницы интенсивного наблюдения.

**За окном минус 42 градуса.
В ожидании больных**

**| Благовещенская психиатрическая
больница, 2002 г. |**

Когда я сел рисовать пустые кровати в Благовещенской психиатрической больнице в Усть-Ивановке, то больные,

прохаживающиеся по коридору, обступили меня и стали спрашивать с насмешками:

– Скажите, неужели нужно было ехать из Москвы в Благовещенск за шесть тысяч километров, чтобы рисовать пустые кровати. Разве их нельзя было нарисовать ближе? Что, у вас там таких кроватей нет?

А я подумал: кровати, конечно, есть. Но вот сочетания пустых кроватей и мороза в 42 градуса за окном уже не встретишь, потому что в Москве просто не бывает таких морозов. Мне же показалось, что эти заправленные кровати в ожидании больных не совсем одиноки. Что где-то тут, совсем рядом, стоят врачи, медсёстры и санитары, что тут есть горячий душ и лекарства, и всё это тут же будет пущено в ход, чтобы спасти, помочь побитым или обмороженным психическим больным, оказавшимся ночью на улице.

Исповедь самоубийцы

| Благовещенская психиатрическая
больница, 2002 г. |

Я уже заканчивал рисунок пустой палаты, когда туда привезли самоубийцу. Это был Владимир Иванович, у которого недавно умерла жена. Два взрослых сына жили в Благове-

щенские, и он теперь остался один «на хозяйстве». Дом, двор, корова, утки, куры, свиньи – с этим он как мог справлялся. Но повадились к нему ночью ходить соседи, недавно вернувшиеся из тюрем. Они пили, хотели есть, но никто из них не работал. Сначала увели у Владимира Ивановича корову со двора, зарезали и мясо у себя спрятали. Потом украли боров. Потом переловили всех кур. Владимир Иванович протестовал, но бандитов было много.

Наконец они решили выгнать его самого из дома и там поселиться. Стали ломиться в дом, он заперся. Тогда бывшие заключённые залезли на крышу, стали её ломать и что-то бросили в трубу. Владимир Иванович подумал, что соседи хотят поджечь дом, схватил нож и выскочил на улицу, где было 45 градусов мороза. Но он наткнулся на соседей, которые стали его окружать. И тут ему внутренний голос сказал: «Беги».

Он побежал по сугробам к лесу, пьяные соседи с криками догоняли его. И тогда тот же голос приказал ему: «Не сдавайся, лучше смерть». Владимир Иванович стал резать себе руки, живот и горло...

Очнулся он в Усть-Ивановской психбольнице в 25-ти километрах от своего дома. Как он не обморозился весь – это просто чудо. Здесь он наконец обрёл покой, уход и внимание. Здесь его успокоили сильнодействующими лекарствами, наложили швы на раны, уложили в тёплую чистую кровать, поставили капельницу. К нему приехали два его сына.

А я расположился с планшетом у его кровати, чтобы сделать его портрет.

Говорят, что соседей Владимира Ивановича будут теперь судить.

«Укоры совести»

**| Благовещенская психиатрическая
больница, 2002 г. |**

Днём обычно о совести не думают, не думают и когда всё вокруг хорошо и прекрасно. Но когда удары судьбы идут чередой, тогда, вдруг, человек осознаёт, что это, наверное, неспроста, и ему кажется, что это «за что-то». Но за что?

В сумерках ночи, в бессонницу, вдруг, vyplывают из тёмных углов образы людей, им когда-то обиженных, покинутых. Даже тех, кого он запрещал когда-то родить, но женщин своих всё равно бросал. А, ведь, они его любили, и было у него с ними столько светлых радостных дней, любви, ласки...

Или обиженный товарищ, который помнит незаслуженную обиду. Помнит много лет, а ты и не заметил, как тогда обидел друга детства...

Или вот выплыло из сумрака ночи лицо старого строгого учителя. «Здравствуйте, как вы изменились». – «Вы тоже изменились, вы были лучше...», – говорит он.

А куплеты старой песенки?

*«Ты художник будешь с виду
И подлец душой,
Провожать тебя я выйду,
Ты махнёшь рукой».*

Сколько же ты обидел людей, если их выставить в ряд? О, как много, как много. Тут и мать, и отец, и братья, и сёстры, и подруги, и друзья. А брошенная тобой, беременная, влюб-

лѐнная в тебя девочка, которая, не выдержав такого позора, повесилась на дверях своей спальни. И ты потом, пьяный, бегал с петлѐй по своим друзьям и всем кричал в пьяном угаре, что тоже повесишься, но почему-то не сделал этого. Как ты жалок. И льются до утра слѐзы, слѐзы позднего раскаяния.

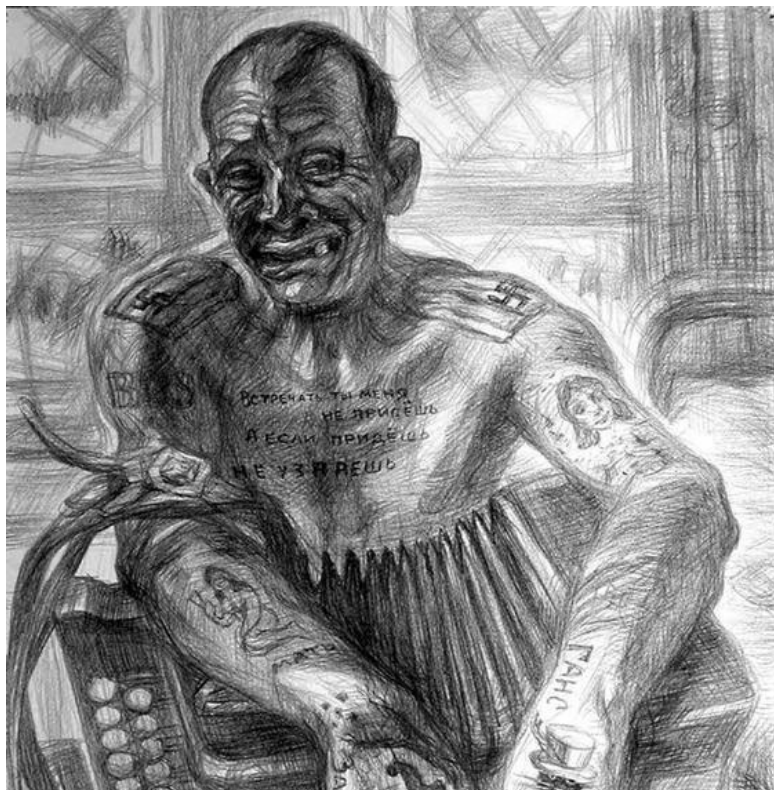
А рядом, в большой палате Усть-Ивановской психиатрической больницы Амурской области спят, такие же, как ты, преступники – кто укрывшись с головой одеялом, кто отвернувшись к стене, кто натянув на голову подушку. Вот итог твоей жизни. Ты так её хотел прожить? И уж не про тебя ли пела когда-то твоя мать под гитару:

*«А вы проживѐте на свете,
Как черви земные живут.
И сказок про вас не расскажут,
И песен про вас не споют...».*

Правда, тогда ты был слишком мал. Ты ужасался словам этой песни, но думал, что это не о тебе, а о ком-то другом. Конечно же о другом...

Безграмотный сирота

| Благовещенская психиатрическая
больница, 2002 г. |

Совершенно безграмотным оказался Коля из Благовещенской психбольницы. Да и откуда было учиться ему грамоте, когда мать его вела разгульную жизнь в одном из прикамских городков. А отец пил, только тем и запомнился Коле, что хорошо играл на гармонии. Научил и его играть, а потом, после ссоры с матерью, повесился на дереве в лесу. Коля попал в детский дом, но и там учили больше не грамоте, а дисциплине, раздавая оплеухи направо и налево расшалившимся воспитанникам. А из детского дома – короткая дорожка в психбольницу-интернат.

Так познал Коля с детства горькую сиротскую долю. А потом – пошло-поехало.

– От Урала до Благовещенска я все тюрьмы и все психушки прошёл, – говорил он не то с гордостью, не то с горечью, но с достоинством человека, познавшего суровую правду жизни.

В тюрьмах друзья-преступники разрисовали всё тело Коли наколками, где отразилась вся его грустная и беспутная сиротская жизнь. А потом ещё и придумали Коле тюремную кличку Ганс и использовали его для obsługi богатых и наглых сидельцев-убийц. Коля всегда безропотно соглашался на самую грязную работу и постепенно убедил себя в том, что эта работа и есть его призвание.

– Больше всего на свете я люблю мыть полы, – говорил он мне с восторгом, – если мне попадёт в руки швабра, я не

выпущу её, пока все коридоры и палаты не перемою.

Он мыл также всегда и туалеты.

Однажды умер тяжело больной туберкулёзом. Дело было жарким летом, а в маленьком морге, куда его положили, было жарче, чем на улице. Тело уже разлагалось. Все санитары и санитарки отказались переодевать и класть в гроб страшный труп, боясь заразиться. Позвали Колю и ещё одного больного, но тот убежал, лишь раз вдохнув в себя отравленный воздух. Коля остался. Он передел товарища по несчастью, положил в гроб и получил за это пачку сигарет и лишнюю тарелку горячего супа с мясом.

Никогда не было у Коли ни любви, ни жены, ни семьи. Однажды ночью он набросился на железнодорожных путях на проходящую женщину и изнасиловал её прямо на земле между проносящимися в разные стороны грохочущими составами. В другой раз он повёл в сарай дочку врача, но его заметили и поместили в психиатрическую больницу, откуда уже боятся выпускать. Так и живёт он здесь годами, играет больным на гармонии, а они поют и пляшут под его музыку. Коля не религиозный.

– Бога нет, – говорит он уверенно.

– Не раскисай, мой друг, не раскисай, жизнь не райский сад, не райский сад, – сказал я ему.

– Да я и не раскисаю, – грустно улыбнулся он беззубым ртом.

Убийца матери

| Благовещенская психиатрическая
больница, 2002 г. |

Среди моих натурщиков настоящих психически больных было мало. Один из них – Петя из Благовещенской психбольницы, которого «его голоса» заставили-таки убить стамеской свою любимую мать. Это – шизофрения в чистом виде, с бредом, с галлюцинациями. То голоса говорили ему, что его мать ведьма, которая по ночам летает по небу на помеле. То говорили ему, что на планете Хизант в созвездии Крабовидной туманности его ждут в гости, а космический аппарат стоит у дверей и ждёт его, чтобы улететь. Он как будто садится и летит, живёт среди хизантов, которые похожи лицом на уток, чтобы клювами им было удобно ловить рыбу. Потом эта планета раскололась, так как её жители вступили в гражданскую войну между собой. То он видит червяка и слышит: «Это – твоя мать, убей её, иначе эти черви будут жирными, расплодятся и всех сожрут».

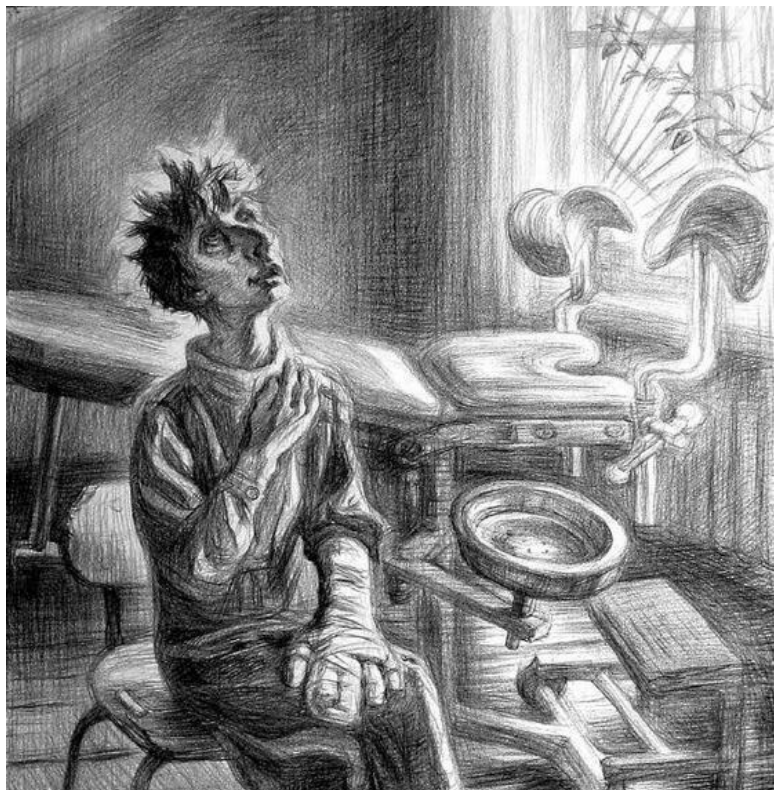
А мать между тем любила своего Петечку и, несмотря на то, что жили они в бараке, ни в чём ему не отказывала, работая на двух и даже трёх работах. Всегда в доме были и варенье, и печенье, и торты, и шоколад, и кассеты, и магнитофоны. А когда он начинал бредить о золоте и бриллиантах, то тут случались такие сцены. Сын говорил матери: «Ты знаешь, что я ненавижу женщин и ненавижу всё, что они на себя надевают – золото и бриллианты. И ты нарочно всё это складываешь мне в матрац дивана. Зачем, я тебя спрашиваю?» А мать ему отвечает: «Богатеешь, Петруша, а стамеску почи-

нить не можешь, разломалась стамесочка-то, Петруша». Он взял в руки стамеску, и тут явился ему образ отца-пьяницы, который указал пальцем на свою жену и сказал: «Она ведьма – убей её».

Дальше он смутно помнит, что с ним было. А теперь весь свой бред он зарисовывает на отдельных клочках бумаги. Когда он увидел свой портрет законченным, то сказал: «Да. Это я».

Инночка

| Благовещенская психиатрическая
больница, 2002 г. |

– Вы меня нарисуете? – она стояла передо мной, худенькая, в сером прожжённом сигаретами скромном платьишке под горлышко и со сломанной рукой в гипсе. Из всего женского отделения психбольницы в Усть-Ивановке она одна была коротко подстриженная. «Наверное, у Сонечки Мармеладовой, героини романа Достоевского, было такое же платье», – почему-то подумал я.

Начали рисовать портрет, и сразу же пришла придирчивая делегация «уставших от жизни», видимо, жён местных «новых русских» в роскошных цветных дорогих халатах, с золотом в ушах, на шее и на пальцах. Они брезгливо посмотрели на Инну, а меня спросили: «Почему вы выбрали самую-самую... хуже некуда. Ведь она же совсем дурочка с переулочка. Неужели получше никого не нашли?» Закурив дорогие сигареты, они ушли.

«Это не больные, – сказала Инна, – они платят по 250 рублей в день за „отдых“ в нашей больнице. У них отдельная палата, там ковры, отдельный телевизор, отдельное питание, повышенное внимание». – «А ты, Инночка?» – «Что я? Меня муж, Сашка Бурантаев, бил ложкой по лбу со всей силы за обедом, а подружки смеялись. А потом совсем уехал и сына забрал. А я вот здесь осталась». – «К тебе приходит кто-нибудь?» – «Да нет. Я же говорю – отец убежал ещё раньше, а мать умерла. Голова болит всё время, а солдаты лезут ко мне. Вот и Сашка солдат был. Я посуду мыла в воинской ча-

сти, а он работал кочегаром. Однажды я одна была на работе, а Сашка с товарищем пришёл ко мне, уже темно было. Я ему говорю: „Давай, Сашенька, фиктивную свадьбу сыграем?“ – „Давай“, – говорит. У нас свадьба была, но какая-то странная, не как у всех. Потом сыночек родился. Но Сашка Бурантаев не хотел быть отцом, а потом и совсем уехал, когда дембель пришёл». – «Инночка, а этот гипс? Что это?» – «А... это? Верка засунула мою руку в батарею и нажала, кости сломались. А она говорит в курилке: „Скажешь врачам – убью“. Но я сказала, потому что сильно больно было...»

Так, переговариваясь о том о сём, мы рисовались уже несколько дней, как вдруг смотрю – гипса нет. «А где твой гипс, Инночка?» – «Я ездила в Москву, и там сказали, что рука уже зажила. Гипс сняли и выбросили в туалет». Я забыл совсем, что имею дело с больной девочкой, и говорю ей: «Покажи мне, куда гипс выбросили врачи? Я его ещё не нарисовал. Я возьму, поставлю его к твоей руке и нарисую». – «Нет! – закричала Инночка, – не хочу я грязный гипс снова одевать». А так как я рисовал Инну в смотровом кабинете, где нет дверей, то сразу же прибежали медсёстры и стали ругать Инну за то, что она сняла и выбросила свой гипс. Стали ей ставить на руку новую лангетку и привязывать её бинтами к руке, но тут Инна стала вырываться, кричать, плакать. «Я на крыле самолёта летала в Москву, там мне сказали, что рука зажила уже и что гипс не нужен», – заливалась она горючими слезами и вырывалась от трёх навалившихся на неё

медсестёр, как кошка, царапаясь, кусаясь и рыдая громко на всё отделение.

«Зачем, – ругал я сам себя, – зачем я сказал ей об этом гипсе. Нарисовал бы потом как-нибудь».

Гипс наконец наложили. Сделали ей успокаивающий укол, и она ушла в свою палату, утирая слёзы. Работа была сорвана. Я сидел, рисуя второстепенные детали.

Инна пришла молча и села позировать. Я молчал тоже. Вдруг она говорит: «Да что, дед, с ума ты сошёл, что ли, морозить меня. Тут 50 градусов холода». И она тут же убежала.

Через 15 минут пришла снова, села. Я стал её рисовать. Она увидела, что я рисую её слёзы, и говорит: «Ты предал меня, ты не заступился за меня, когда меня скрутили, не буду я тебе больше позировать, уйду». И ушла.

Потом снова пришла, снова села, молчит. Я ей говорю: «Последний день сегодня, Инночка, заканчиваем». – «И что, ты больше не будешь меня рисовать? Никогда-никогда?» – «Нет, Инночка, я завтра утром уезжаю в Благовещенск, а потом – в Москву».

Она задумалась. Я работал молча. В комнате постепенно темнело. «Всё, – сказал я и стал совать ей конфеты и сигареты в карманы. – Спасибо тебе, дорогая». «Тебе спасибо», – тихо сказала Инночка, обняла меня и поцеловала чистым детским поцелуем прямо в губы.

Инна ушла по длинному тёмному коридору к себе в наблюдательную палату. Я стал собирать свои вещи, чтобы то-

же уйти.

Возвращаясь тёмным морозным вечером в отделение, где я жил, думая об Инне, я вдруг неожиданно для себя проговорил вслух строки из песни христиан-молокан:

*Не тужи, душа родная,
Не пугайся доли злой.
Будет время – двери Рая
Бог откроет пред тобой.*

Слёзы сострадания

| Благовещенская психиатрическая
больница, 2002 г. |

– У нас тут лежит Олег Кошевой, правда, он отзывается на имя Ванечка, – сказали мне в Благовещенской психбольнице, когда я туда через 6 суток наконец добрался из Москвы.

Естественное любопытство: кто он? Руководитель «Молодой гвардии» из Краснодона? Но тогда он должен быть стариком. А Ванечке лет 40–50, не больше.

С большим нетерпением сел я рисовать Ванечку. У него был статус помощника по кухне, по хозяйству. Он таскал из прожарки в отделение простыни, подушки и матрацы, ходил в магазин за мелкими покупками. Причём на каждой пачке купленных сигарет или чая он старался выгадать кое-что для себя. «Да, это, конечно, не борец с фашизмом, даже не его сын», – убедился я, глядя на Ванечку. Потом он вдруг совсем отказался мне позировать, ожидая, видимо, что я стану его привлекать деньгами. Но он, потеряв ореол героя, стал совсем мне не интересен.

Но рисунок был уже начат. Ванечка по-прежнему не появлялся, и я пошёл по отделению, вглядываясь в лица больных. «Я пришёл на эту землю, чтоб скорей её покинуть», – услышал я голос плачущего человека. Он-то и стал главным героем рисунка. Хроническое уныние было у Сашеньки. Он плакал целыми днями: «А теперь я в жизни ничего не значу, под чужие песни и пою и плачу».

– Геннадий Михайлович, миленький, я люблю, всех люблю, а меня бьют в палате пяткой прямо в глаз, по голове. А

я им отвечаю, мол, ребятки, миленькие, я люблю вас, люблю Господа, люблю мать его Богородицу, она мне во сне сказала, дева Мария: «Сашенька, никого не обижай и ни на кого не обижайся». Я проснулся в слезах – как хорошо она сказала. Миленький мой, рисуйте, рисуйте, я, сколько хотите, буду вам позировать. Художники такие умные, такие талантливые. Господи, как я всех люблю. Всех – и вас, и ребят. Ведь наш Спаситель сказал: «Не удивительно, что вы любите любящих вас, надо врагов полюбить, это будет настоящая любовь». Так ведь, Геннадий Михайлович? Вот и мне в палате надо этих ребят молодых любить, весь мир любить надо. Мне соседка по квартире сказала: «Что-то, Сашенька, ты плакать много стал, пойдя, лежи в психбольнице». А я плачу от любви ко всем людям, мне жалко всех. Как посмотрю на них – так плачу. А как послушаю, что они говорят, как им всем тяжело живётся, – плачу ещё сильнее.

Таблетка от страха

| Биробиджанская
психиатрическая больница, 2003 г. |

В начале работы замысел рисунка был иным, но на другой же день за моим натурщиком Мишей в Биробиджанскую психбольницу приехала его жена Надя и забрала его домой.

– А как же мне быть? Ведь я только-только начал рисовать.

– Приезжайте к нам домой, там закончите, – сказал Миша бледными дрожащими губами.

По лбу его стекали капельки пота, а сам он еле стоял на ногах от слабости.

– Что с ним? – спросил я Татьяну Викторовну, его лечащего врача.

Она ответила:

– Приступ страха.

И дальше рассказала мне, как Мише вдруг показалось, что его соседи сверху, справа и слева перестукиваются между собой и громко включают музыку, кричат, стучат им в дверь: всё делают, чтобы его убить или выгнать из только что купленной квартиры. В сумеречном состоянии, со светящимся, как ему стало казаться, огромным, похожим на пламя ножом в руке он хотел уже обороняться – но тут приехали санитары и отвезли Мишу в психбольницу. Жена, на 15 лет моложе его, переживая за Мишу, почувствовала себя так же тяжело, хотела повеситься, но потом занялась ремонтом новой квартиры, и страх отступил.

Эта пара, спасаясь от неприязненного отношения к их союзу всех родственников и с её, и с его стороны, сбежала из приволжского городка на собственной машине. Пьяный отец Нади пригрозил Мише: «Ты пришёл к нам через дверь, а выйдешь через форточку». Атмосфера в доме по-

стоянно пьяного жестокого мари́йца была такой тяжёлой, что однажды Миша писал, писал дневник, потом поставил точку, хлопнул кулаком по столу и выпрыгнул в форточку со второго этажа, как говорят, «рыбкой», даже не разбив ни одного стекла. Надя проснулась от шума, когда он уже шёл обратно к ней с переломанными рёбрами и весь в крови. Это был первый приступ страха.

После этого молодые супруги решили уехать как можно дальше от своих родных. Так они оказались в Биробиджане.

– Я думаю, он ещё вернётся к нам, – закончила свой рассказ Татьяна Викторовна, задумчиво глядя перед собой.

Приехав на квартиру молодых супругов и наблюдая за бледным Мишей, всё ещё пугающимся звуков соседей, я вспомнил другую историю, моей тётки, о её жизни с мужем – работником ЧК в Москве в 30-х годах.

– Однажды, – вспоминала тётя Феня, показывая на большой портрет красивого усатого мужчины в военной форме, стянутой перекрещивающимися на груди ремнями, и с кобурой на правом боку, – я пришла домой, а мой Ванечка сидит в углу, обложился подушками и одеялами, собрал все ножи и вилки и смотрит безумными глазами на дверь. «Что с тобой, Ванечка?» – спрашиваю его. А он: «Вон они, вон они, все они нападают на меня». – «Кто нападает? Тут нет никого». – «Да нет, есть. Те, кого я расстреливал. Вот, протягивают ко мне руки – кто просит о пощаде, кто грозит... Неужели ты не видишь? Страшно мне, Феня, страшно». Я, – продолжала

тётя Феня, – крепко прижала его к своей груди, глажу его по голове, успокаиваю, ласковые слова ему говорю, таблетку дала успокаивающую...

– От страха? – спросил я её в шутку.

– Да, от страха, – ответила она мне очень серьёзно.

Так появился на свет рисунок «Таблетка от страха».

Лёшенька, поцелуй свою маму ещё раз

**| Туберкулёзное отделение Биробиджанской
психиатрической больницы, 2003 г. |**

Туберкулёзное отделение есть почти в каждой городской психбольнице.

Когда Сергей Генрихович Иванов, главный психиатр ЕАО, знакомил меня с психбольницей в Биробиджане, то вид мальчика в туберкулёжном отделении, беспомощно сидящего в кресле-коляске и привязанного к ней простынёй, вызвал у меня величайшее чувство жалости. Он держал в одной ручке край простыни, который время от времени прикладывал к своему рту и вытирал отравленную болезнью слюну. Мальчик жил в женской палате, а по коридору ходили все вместе – и мужчины, и женщины.

Лёшеньку все любили. Родители давно бросили и забыли своего ребёнка. Он поступил сюда из детского дома-интерната. В палатах не было дверей. Больные надрывались от кашля. Из других палат тоже доносились долгие затяжные звуки кашля.

Целыми днями Лёшенька сидел в своей коляске и смотрел на этот мир больных женщин ясными голубыми глазами. Одна из них, Валя, вдруг наклонилась над ним и поцеловала его в губы. «Господи, – подумал я, – да возможно ли это? Ведь они тут все больные, открытая форма туберкулёза, им надо бежать друг от друга, а они целуются! Парадокс жизни. Но, видимо, так устроена жизнь Любви, – продолжал я рассуждать про себя, – она побеждает всё и всех, никакие болезни ей не преграда. Любовь торжествует над всем миром

– и здоровым, и больным».

Целует Лёшеньку молодая женщина Валя, тоже из детского дома-интерната. Её судьба печальна. Жила в деревне, в семье. Умер отец, похороны. Все – ничего, а она плачет и плачет, жалко отца. Стали опускать гроб в могилу, Валя кидалась следом. Потом не могли оторвать её от могильного холмика, так и лежала на нём. Вызвали врачей, да прямо с кладбища – в психбольницу. Так и живёт здесь. Сначала в детском отделении, теперь во взрослом. Потом заразилась где-то туберкулёзом. Горе.

Но здесь с Лёшенькой Валя расцвела: и укладывает его, и раздевает и укрывает, и моет его, и кормит – ведь он совсем беспомощный, парализованный, не разговаривает, не двигается. Но Валя как мать ухаживает за ним, и обоим хорошо и радостно. Так и тянутся друг к другу губами. Это ли не счастье?

Приятные галлюцинации

**| Биробиджанская
психиатрическая больница, 2003 г. |**

Переполненная палата в больнице для психохроников. У окна инвалид без обеих ног с высохшей левой рукой. Чтобы он удержался и не упал, ему к кровати привязали доску. Со-
всем беспомощен Николай. Когда он хотел курить, я подни-

мал его, перетаскивал через доску и усаживал в коляску.

– Надо прикрыть «хозяйство», – шутил он, подкладывая цветную тряпку между култышками бывших ног.

Потом я отвозил его в курилку к другим инвалидам, таким же беспомощным, как он. Слепой Виктор с катетером, привязанным длинным бинтом к шее, всё время скулил: «Никому я не нужен. Никто не приходит уже полгода. Что сделала, сука... Никто и не вспомнит. Курить хочется, а сигарет нет».

Николай же в этом «отделении постоянного сестринского ухода» чувствовал себя совсем не уныло.

– Нина, – обращается он к полной санитарке, – иди ко мне.

– Да я у тебя не помещусь, – отшучивается толстая Нина, ловко меняя «утки» у лежачих стариков.

Я начал его рисовать.

Он шутит со всеми и обращается ко мне, хитро прищуриваясь:

– О чём это я? Чего не могут сделать две женщины, а три мужика запросто?

Или:

– А вот ещё анекдот. Учительница спрашивает Вовочку: «Почему ты позавчера не был в школе?» – «Трусы стирал». – «А вчера почему не был?» – «Помогал отцу, корову к быку водил». – «А отец один не мог?» – «Отец мог, но бык лучше».

Хохот стоит в палате.

А Николай:

– А вот ещё...

Не унывает человек, несмотря на все свои невзгоды.

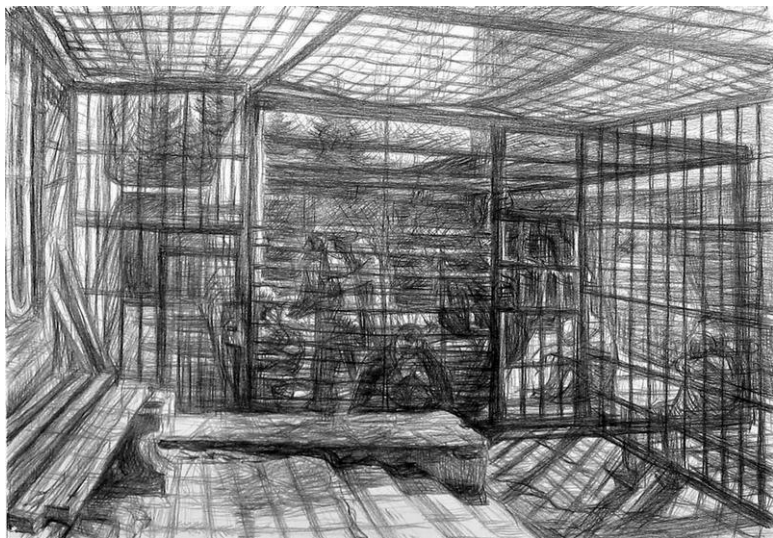
На другой день:

– Вчера ночью приходила ко мне моя жена. Вышла из стелы и села возле меня. Я её глажу и говорю, мол, что ты во мне нашла, ведь за тобой весь автопарк шофёров ухаживал. А она: «Как мы увидели, что ты зубы у себя плоскогубцами выдираешь, сын со страху из дома сбежал, а я поняла, что лучше тебя-баламута никого мне не нужно». А я ей: «Я тебе не рассказывал, как наш начальник умер? Поехал с любовницей в тайгу, чтобы никто их не увидел и не узнал, а медведь подошёл, хлоп по капоту лапой, хлоп по крыше жигулей – и смял всю машину вместе с ними. Вот так и погуляли. А ему памятник потом поставили в Ангарске, возле самой плотины. Говорят, самый порядочный, лучший человек был из всех на стройке». – «Баламут ты, Николай, креста на тебе нет». – «Да вот он». Вытащил крест, показываю ей. А она то крест целует, то меня... плачет, плачет, просит: «Приходи ко мне скорее». А я ей: «А где ты, далеко?» – «На звезде Альфа-Центавра. Вон она, посмотри в окно». – «Хорошо, теперь каждую ночь буду на тебя смотреть». И поцеловал её. Тут уж и светать стало.

Так и живёт убогий Николай с улыбкой на красивом стареющем лице.

Мартовское солнце. Прогулочный дворик для преступников

**| Биробиджанская
психиатрическая больница, 2003 г. |**

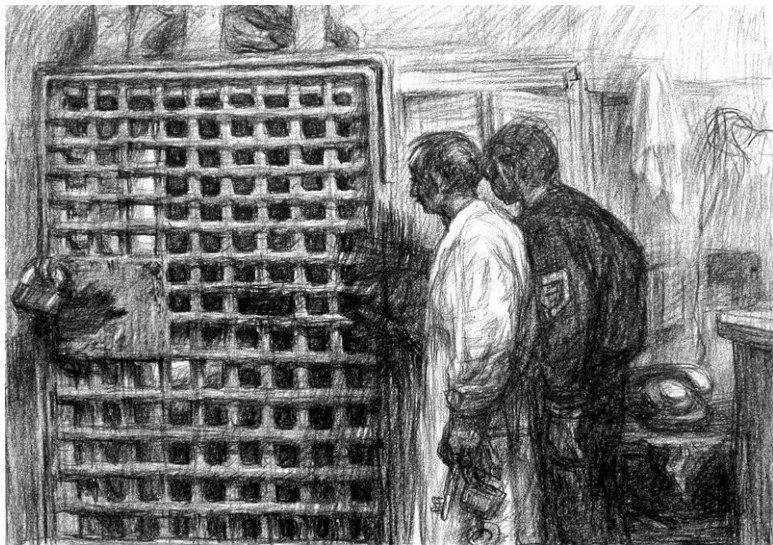
Рисовать дворики и закоулки – любимое занятие для 99 % художников всего мира. Ну и я такой же. Увидел в Биробиджане тюремный больничный дворик, весь в решётках и зам-

ках, и сразу вспомнил «Московский дворик» Поленова. А был март, последний снег таял под ярким солнцем. «Март» – встала перед глазами картина Левитана. «Ну что ж, – думаю, – каждое время диктует свои нюансы вечной темы двори-ков, переулков и закоулков. В наше время пусть будет и та-кой зарешечённый дворик с курящими внутри него под зам-ками всего 15 минут душевнобольными преступниками».

А солнце и март всегда останутся такими, какими были и сто, и двести, и триста лет назад.

Ночное дежурство. Изолятор

**| Тюремное отделение Биробиджанской
психиатрической больницы, 2003 г. |**

Ночью в «отделении интенсивного наблюдения» Биробиджанской психбольницы какая-то особенная тревожная тишина. Охранники и санитары разговаривают с медсёстрами

тихо, приглушёнными голосами. И смеётся ночью молодёжь, работающая в этом отделении, тоже тихо. Так происходит в психбольнице. На зоне в колонии – другие порядки, тут за больными преступниками постоянно подглядывают... ухаживают, как в детском садике.

– Для чего вы за ними наблюдаете? – спросил я удивлённо, рисуя ночной изолятор.

– Смотрим, чтобы одеяло на голову кто-нибудь не натянул. Под одеялом не видно, что человек делает. А бывает – раз! – и прокусил вену, и лежит кровью истекает всю ночь, а к утру – труп. А нам отвечать. Вот и смотрим всю ночь, не спим, – рассказали мне охранники.

Чтение Евангелия в камере «обиженных» психохроников

**| Тюремная туберкулёзная
психиатрическая больница, 2003 г. |**

Из 1200 больных туберкулёзом преступников, собранных в тюремной больнице «Бира» со всех колоний Хабаровского края и ЕАО, – психохроников всего одно отделение, 4 ка-

меры. А из них только одна камера – 14 человек – «обиженные». По тюремной иерархии, заведённой ещё с незапамятных времён самими преступниками, главные в тюрьмах – это «чёрные», «воры в законе» и просто воры. Они «смотрят» за зоной, знают всех и вершат свой воровской «суд». Они никогда в жизни – ни на воле, ни в тюрьме – не работают. «Отрицаловка» во всём, никакого контакта с властью. Сидят от звонка до звонка, снисхождения к себе не просят и не признают никакой власти над собой.

Потом идут «мужики» – работяги. Эти выполняют все хозяйственные работы: строят, пилят лес, ремонтируют, красят, белят. В отличие от «чёрных» воров, «мужиков» называют «красными» за их общение с лагерным начальством. «Мужики» всеми силами стараются получить благодарность от начальства, чтобы скорее освободиться и уехать домой из зоны. Они на зоне – случайные люди.

Но самую грязную, самую унижительную работу в тюрьме выполняют «обиженные». Это люди со слабой волей, со слабыми нервами, часто больные или психохроники. Их используют «воры» и «блатные» как слуг и как женщин, давая им после этого женские имена: Машка, Наташка, Пелагея и т. д. Эти люди, не способные к борьбе за своё человеческое достоинство, давно смирились со своим унижительным, в глазах «тюрьмы», положением. Всякий, общающийся с ними, в глазах «воров» автоматически превращается сам в «обиженного». У «обиженного» нельзя ничего брать, нельзя

с ним разговаривать, нельзя садиться на его кровать – можно оскверниться. Нельзя пить из его кружки, есть из его тарелки, нельзя заходить в их камеру. Ими только помыкают или командуют, ни на час не оставляя их в покое. Пока я рисовал их 4 дня, все эти дни с утра до сумерек приходили «гонцы» от воров и требовали – то вынести вёдра, то мусор на помойку, то постирать бельё «ворам», то заштопать, то зашить им рубахи, то умерших отнести в морг. И в самом морге тоже работают «обиженные».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.